В помощь аспирантам

История и философия науки

МЕТАФИЛОСОФИЯ*

ЛЕБЕДЕВ С.А.,
ИЛЬИН В.В.

§ 2. Метод философии

Определив философию как *рационально-теоретическую форму мировоззрения*, как *абстрактно-категориальное мировоззрение*, как *понятийный способ задания основных мировоззренческих ценностей и их обоснования*, мы вправе теперь поставить следующий фундаментальный вопрос: каковы методы получения, обоснования и развития философских концепций?

Как уже отмечалось выше, философское мировоззрение суть когнитивная система, состоящая из трех базовых компонентов: 1) не-Я (бытие); 2) Я (сознание); 3) система отношений между не-Я (бытием) и Я (сознанием). Как возможно всеобщее теоретическое знание о каждом из этих компонентов?

Всеобщее – предикат количественный и указывает на максимально мощный объем соответствующего понятия, на максимально большую степень его общности. Признак бытия действительно относится ко всем мыслимым и чувственно воспринимаемым предметам. Поэтому бытие – безусловно всеобщее понятие (также как и многие его категории: содержание, форма, изменение, качество, количество, взаимосвязь, причина, следствие и т.д.). Логическими методами получения любых общих понятий и утверждений являются, как известно, анализ, абстрагирование и индукция. Однако, если эти методы годятся в качестве

* Продолжение. Начало см. «ФН». 2006. № 1.

получения общего знания для конечно-обозримых или даже конечно-необозримых классов, предметов, свойств, отношений (с помощью перечислительной индукции), как это часто имеет место в повседневной жизни и науке, то для бесконечных классов они заведомо не годятся, ибо любая сколь угодно большая конечная выборка для бесконечных классов может оказаться заведомо не репрезентативной. Далее. Весь опыт познания в науках явно недостаточен по отношению к суждениям о всеобщем, так как всегда исторически ограничен. А ведь философия претендует не просто на всеобщее, но еще и на всеобщее истинное знание. Только опыт, только индукция для всеобщности не очень надежные помощники. Поэтому философия не может быть обобщающим познанием по отношению к своему предмету. Чтобы спасти эмпирическую, обобщающую трактовку происхождения всеобщих понятий философии, есть только один путь – дополнить индукцию актом интеллектуальной интуиции («умозрением»), что и было впервые предложено Аристотелем. Но тогда может быть всеобщность и необходимость философского знания не апостериорна, а априорна, а обобщение как способ получения философского знания вообще не причем? Априорный характер философского знания утверждали, как известно, хотя и в различных версиях, очень многие философы (Платон, Декарт, Лейбниц, Кант, Фихте, Гегель и т.д. и т.п.). С их точки зрения, философия не только не является, но и не может быть обобщением ни обыденного, ни научного, равно как и всех других способов познания универсума. Напротив, она сама лежит в основе всякого рода познания (в том числе научного).

Наука, в частности, сама отнюдь не доказывает, а просто исходит из таких философских утверждений, как, например, «мир познаваем», «в мире есть законы», «все материальные объекты имеют свойства пространства и времени», «в природе не существует беспричинных явлений» и т.д. и т.п.

Философия не может быть логическим обобщением ни всей науки, ни всей практики, ни всей культуры в целом, еще и потому, что в трактовке каждой из этих систем содержатся альтернативные, взаимоисключающие, противоречащие друг другу концепции, взгляды. Как обобщить теорию Птоломея и теорию Коперника, когда они исключают друг друга? То же самое относится к классической и квантовой механике, рыночной экономике и социалистическому производству, фашизму и либерализму и т.д. и т.п. Противоречие подлежит констатации, но не обобщению. Множество, состоящее из противоречивых элементов, нельзя обобщить по определению. Для обобщения нужно повторяющееся сходство. Да, повторяющиеся события, явления, процессы культуры и различных ее форм и отсеков могут быть обобщены в виде некоторых всеобщих утверждений (например, «все изменяется»). Но ведь это обобщение сделано только по «любимым примерам». Для других, «нелюбимых», могут быть сформулированы прямо противоположные всеобщие утверждения, типа «все истинно существующее – инвариантно, неизменно» и т.д.

Конечно, существуют аналитически истинные всеобщие утверждения типа «все тела протяженны», но они не являются результатом индуктивного (опытного) обобщения, а суть просто тавтологии («все тела суть тела»), если содержание предмета суждения («протяженность») составляет необходимую часть содержания субъекта данного высказывания («тело»). Вопрос как раз и заключается в том, возможны ли всеобщие апостериорные синтетические утверждения? Ответ может быть только такой: да, возможны, но тогда философия будет логически противоречивой системой, как это показал Кант, сформулировав антиномии. Поскольку требование непротиворечивости является необходимым для любой рациональной конструкции, в том числе и философской, постольку необходимо искать ответ о возможности философских всеобщих истин не в индуктивном обобщении наличной культуры и ее истории, а в каком-то другом направлении.

Это направление связано с признанием конструктивной синтетической и аналитической деятельности мышления – своего рода априоризма мышления. Априоризм, утверждающий возможность получения доопытного и не зависимого от опыта знания, не обязательно является нативизмом (концепцией «врожденных идей»). Последний –

лишь его грубый психологистский вариант. Априоризм предполагает существование независимого от внешнего опыта источника знания, и такой источник есть. Это – мышление, особая способность сознания по конструированию абстрактных (мысленных) предметов и систем их связей. Наиболее ярким воплощением конструктивной деятельности мышления является теоретическая («чистая») математика, как современная неклассическая (собственно «конструктивная»), так и классическая, начиная с Пифагора, Фалеса и Евклида. Математические точки, линии, плоскости, натуральные, а особенно действительные (иррациональные), мнимые и комплексные числа, множество теоретических систем знания о них – примеры как самих «неэмпирических» объектов, так и множества утверждений о них (априорного знания). Как и в «чистой» математике, в «чистой» (теоретической) философии источником познания является как раз творческое, конструктивное мышление, самополагающее, анализирующее и синтезирующее свое содержание. В этом отношении философия и математика имеют один корень – мыслительное творчество. Не случайно они и появились в Древней Греции одновременно и развивались одними и теми же мыслителями (Пифагор, Фалес, Парменид, Платон и др.). Хотя математика и философия, безусловно, имели опытные предпосылки (искусство измерения длин, площадей и объемов реальных тел в Древнем Вавилоне и Египте – для математики); (различного рода мифологические, религиозные системы и житейская мудрость – для философии), они лишь тогда стали именно математикой и именно философией, когда решительно сделали ставку на мышление как главный источник своих построений, когда начали конструироваться как системы априорного знания. В качестве таковых они не только дополнение к соответствующим системам эмпирического (опытного) знания, но и их отрицание, их критика. Фактом своего появления они со всей силой поставили вопросы об относительной ценности (первичности – вторичности, в частности) апостериорного и априорного знания, соотношения (согласования) эмпирического и теоретического, «доксы» и «эпистемы»,

опытных обобщений и теоретических доказательств. Таким образом, если философия является не просто рациональной, а именно теоретической (в противоположность эмпирической) формой познания, то тем самым она должна быть признана в своей сущности априорным мировоззренческим знанием. Всеобщие характеристики мыслимого универсума и его подсистем (бытия, сознания, отношения между сознанием и бытием с регулирующими их ценностями) задаются, т.е. создаются, конструируются (это в данном контексте – синонимы) мышлением.

Мышление не только конструктивно (т.е. способно творить), но еще и свободно – как в полагании своего мысленного содержания, так и в видах и способах когнитивной деятельности с ним (анализе, структуризации, развертывании, интерпретации и др.). Именно свободой мышления объясняется огромное множество философских построений как в диахронии, так и в любой момент синхронного бытия философии. Плюрализм – это объективное условие ее существования, а вовсе не результат заблуждений (слишком уж многочисленных!) отдельных философов. Даже если бы существовал один единственный носитель мышления (абсолютный трансцендентальный субъект), плюрализм философских построений был бы неизбежен. Он был бы неизбежен благодаря имманентной свободе и творческому характеру философского мышления. Необходимо отметить, что конструктивный плюрализм проявляется не только в философии – сфере всеобщего, но и во всех других областях деятельности «чистого» (теоретического) мышления (современная наука, естествознание и математика в частности, убедительно свидетельствуют о постоянно имеющей место конкуренции теоретических моделей как о вполне нормальном явлении). И априоризм кантовской философии (равно как и гегелевской и др.) плох не сам по себе, а именно своей некритичностью и фундаментализмом (претензией на абсолютную истинность своих философских построений).

Существуют ли границы философского плюрализма, какие-то критерии отбора лучших среди конкурирующих построений или «все кошки серы»? Да, такие критерии

существуют, хотя ни строгими, ни достаточными их назвать нельзя. Во-первых, это общелогические требования к определенности и непротиворечивости теоретических мировоззренческих конструктов. Во-вторых, это требование организовать максимально возможное пространство мысли с единых позиций. В-третьих, это способность предложенных философских конструктов и основанных на них ходов мысли «естественно» решать известные философские вопросы, предлагать новые проблемы и способы их решения, т.е. способствовать росту знания. И, наконец, в-четвертых, введенные философские конструкты должны иметь максимальное внешнее оправдание, т.е. быть полезными (в их соответствующей интерпретации и конкретизации) при разрешении разного рода социальных, научных, практических и человеческих проблем. Философия, как и любая другая область человеческой деятельности, в конечном счете вплетена в общий механизм адаптивного выживания человеческого рода и должна помогать вырабатывать адекватные ответы на вызовы человеческому бытию, увеличивая адаптационный потенциал личности и человечества.

Переходя к вопросу *о специфических способах развертывания содержания* философских построений, можно отметить следующие методы философского творчества: диалог, генетическое конструирование, метод восхождения от абстрактного к конкретному (диалектический метод), феноменологическая редукция, свободный дискурс.

Диалог – один из древнейших и эффективных именно философских методов выработки исходных теоретических идеализаций (категорий), построения системы таких идеализаций и разворачивания ее содержания. Классическим образцом такого типа построения философского знания являются диалоги Платона. Каковы примечательные моменты философского диалога? Во-первых, введение философских категорий (благо, красота, истина, бытие и т.д.) через предельный переход, отправляясь от употребления аналогичных слов в обыденном повседневном языке. «Бытие» как теоретическая категория философии отнюдь не тождественна в своем содержании реальному многообразию «эмпирического» бытия. Последнее может выступать

лишь ее прообразом. Не более. То же самое относится и к другим конструктам философии. Создание идеальных объектов через предельный переход от некоторого «эмпирического» прообраза – лишь один из способов их конструирования. Другой способ, который в зрелой науке и философии является столь же распространенным, – введение идеальных объектов чистым актом мысли, «по определению», без всякой опоры на предшествующий эмпирический опыт (комплексные числа, тензор, трансцендентальная апперцепция, матрица, эпохе и т.д.). И в этом отношении, в плане механизма своего введения, идеализации философии по существу ничем не отличаются от идеальных объектов геометрии (точка, прямая, плоскость, окружность и т.д.). И те и другие теоретические конструкты имеют своим непосредственным источником идеализирующее, конструктивное мышление.

Во-вторых, диалог с самого начала ориентируется на сравнение и рациональную оценку содержания вводимых конструктов по степени их значимости для построения философской системы и гармонии с другими философскими конструктами. В-третьих, диалог позволяет оценивать философские альтернативы с точки зрения их применимости к решению важнейших мировоззренческих проблем, а также – после соответствующей (эмпирической по сути) интерпретации – к решению конкретных социальных, научных и практических проблем (такому применению философии с позиций ее «полезности» всегда уделялось большое внимание). То же самое делается и по отношению к любым другим теоретическим построениям вне сферы философии (математика, физика, социальные науки, идеология и др.). Важно лишь понимать (на это впервые обратили внимание элеаты), что теоретическая реальность – особый, качественно отличный от эмпирического мир, со своей «онтологией» и законами взаимоотношений между элементами, по-своему самодостаточный и несущий в себе более или менее вероятные возможности своего изменения и развития. И, самое главное, диалог потому и является абсолютно неустранимой формой развертывания содержания философского знания, что философское мышление

принципиально рефлексивно. Оно не может формулировать и принимать какие-то принципы догматически, на веру, некритически. Этого не позволяет ему сделать ценность рациональности, с которой философия связала свою судьбу. Можно дедуктивно обосновать истинность частных суждений с помощью общих, но нельзя (по определению) логически обосновать истинность самых общих (всеобщих) законов и принципов, на что и претендует философия. В подлинном философе постоянно находится внутренний критик, который никогда не уверен в абсолютной правильности созданных конструкций. Стремясь к абсолютной (высшей) определенности, философия никогда не сможет достичь ее. Поистине сизифов труд!

Декартом и Гегелем были предложены два оригинальных метода построения теоретического философского знания: *генетическо-конструктивный и диалектический*. При этом оба они исходили из возможности достичь абсолютно истинного исходного пункта философии. Декарт возлагал надежды на методическое сомнение во всем, в чем можно усомниться, и возможность нахождение такого знания, в истинности которого уже нельзя вообще сомневаться. Это должно быть такое достоверное знание, очевидная истинность (несомненность) которого усматривалась бы разумом непосредственно, с помощью интеллектуальной интуиции. Великий Декарт понимал, однако, что в уме найти можно только то, что уже должно существовать (т.е. быть прирождено ему). Не разбирая в данном случае правомерности того, что Декарт нашел в качестве отправного пункта философии, отметим лишь предложенный им способ движения мысли от исходного пункта. Это – не аналитическое дедуктивное выведение содержания философии из ее истинных высших принципов-аксиом, а построение (порождение) из более простых исходных философских конструкций более сложных (на основе контроля со стороны интуиции за правильностью каждого шага такого построения) с добавлением к прежним элементам (идеям) новых свойств (новых идей). Это – безусловно синтетический метод построения знания. Такой же метод Декарт рекомендовал и для частных наук, считая, что он открыл универсальный метод истинного познания.

Гегель также некритически утверждал о наличии у философии истинного, безусловного исходного пункта (Абсолютная Идея), считая, что потенциально он гарантированно заключает в себе все истинное содержание действительности, утверждая тождество Мышления и Бытия. Вместе с тем, Гегель предложил новый метод разворачивания содержания философской теории, отчетливо противопоставив его формально-логической дедукции и аксиоматическим построениям математики. Свой метод он назвал диалектическим. Будучи безусловно синтетическим, он заключается в структуризации всего философского универсума на противоположные предметы, свойства, отношения, выделение из этого множества базового противоречия и последующей реконструкции всех противоположностей универсума в качестве продукта имманентного развития и усложнения исходного противоречия (механизм этого движения мысли: тезис – антитезис – синтез – антисинтез и т.д.). Гегелю удалось диалектически вывести (построить) огромные пласты философского универсума, и тем не менее большинством философского сообщества его система и метод были признаны слишком искусственными, особенно в их претензиях на универсальность и абсолютную истинность. Уверовав в фундаментальность и силу своего философского метода, Гегель слишком высокомерно относился к представителям современного ему естествознания и математики, успешно пользовавшимся другими методами, обвиняя их в теоретической незрелости и «метафизичности» (антидиалектичности). Высокомерная философия всегда превращается в идеологию и тем самым выносит себе смертный приговор.

Одна из современных попыток выработать для философии свой особый метод построения строгого знания, получившего название феноменологического, была осуществлена Гуссерлем. Суть его в том, что философское мышление должно заниматься нахождением абсолютно простых и очевидных феноменов содержания сознания с последующей реконструкцией на их основе всей истинной сферы сознания. Гуссерлевская идея сродни декартовскому подходу, но гораздо шире его, так как не ограничивает предмет филосо-

фии только мысленным, теоретическим содержанием всеобщего, а охватывает всю сферу сознания в качестве предмета философии. Феноменологический метод, нацеленный на выявление базовых исходных содержательных структур сознания в самых различных областях когнитивной деятельности, получил в современной философии весьма широкое распространение. Феноменологический метод основан на идее эпохé (от греч. epôhe – удерживание). С помощью эпохé (абстрагирования Я от всего накопленного историей познания внешнего опыта, мнений, определений, ценностей и оценок различных предметов сознания) философ становится в позицию «чистого наблюдателя» и только отсюда ему может быть доступна подлинная сущность предмета. Каждый философ обязан как бы заново – своим личным внутренним светом – открывать мир сущностей. Другого пути у философа нет. Посредством эпохй, составляющим основу феноменологической редукции, осуществляется переход от естественной (в том числе и естественно-научной) установки познания к феноменологической (философской). Эпохé позволяет открыть новую онтологическую область, подлинный мир явлений сознания, недоступный другим видам эмпирического и теоретического познания. Благодаря данному методу, философ возвышается над естественным бытием и естественным миром (вынося их в своей деятельности «за скобки»), но отнюдь не теряет их бытия. Он вынужден постоянно «гештальтировать», переключать свое сознание, переходя от философских размышлений к внешнему опыту (в том числе и к своей мирской жизни), и обратно. Бытийственной структурой, обеспечивающей возможность такого «переключения» является поток феноменов как психических явлений, которые одновременно и объективны (поскольку даны трансцендентальному Я) и субъективны (поскольку образуют психическую реальность).

Одним из главных конкурентов феноменологии в современной философии выступают, с одной стороны, аналитическая философия, с другой – постмодернизм. Представители первого направления (поздний Витгенштейн, Райл, Остин и др.) считают основным средством философского познания *лингвистический анализ* языка. Главный

недостаток всех аналитиков – отказ от попыток построения философии как теоретического мировоззрения, как «метафизики». Такие попытки в философии по-прежнему продолжаются (экзистенциализм, философия жизни, философия науки, философия культуры, философия искусства, философия природы и т.д.), однако по сравнению с XIX в. и даже первой половиной XX подавляющее большинство современных философов сознает невозможность и, по большому счету, бесполезность создания больших, всеохватывающих и логически стройных философских систем.

После крушения идеала абсолютной определенности и абсолютной надежности даже в таких областях, как математика, логика и теоретическая физика, после разрушительной критики философами постмодернизма (Деррида, Лиотар и др.) возможности достижения определенного и ясного дискурса в любой сфере рационального познания вообще стала очевидной бессмысленность какой-либо жесткой регламентации любого дискурса, в том числе и философского, какими-то едиными методами и стандартами. Свободное творчество мышления оказалось сильнее всяких организующих его прокрустовых рамок. Ограничения, конечно, всегда имеют место, но они должны быть ситуативны и конструктивны, а не навязаны содержанию и субъекту когнитивного творчества извне. Если угодно обозначить такую философскую стратегию (способ когнитивного творчества) каким-то именем, то его можно назвать *«свободным конструктивным дискурсом»*. Философия сближается с искусством по раскованности и многообразию своих построений. На первый план в оценке их значимости все более выходят прагматическая полезность (в самом широком смысле этого слова), внутренняя гармония и «нескучность». Современные философы знают, что истинность их построений оценивают не только их коллеги, но и массовые потребители философского мировоззрения, те, к которым собственно и обращены взоры философов. Они также хорошо понимают, что люди слишком различны, чтобы всем им было одинаково комфортно в одной мировоззренческой одежде.

Продолжение следует.